

Гастроли БДТ им. Г.А.Товстоногова в Москве

Почти весь июнь прославленный товстоноговский театр играл для московской публики. "Товстоногов", как не раз бывало прежде, в помещении Малого театра, в здании, которое своими классическими итальянскими параметрами почти не отличается от родного дома БДТ на Фонтанке. И по-прежнему, как при жизни Мастера (он ушел 12 лет назад, а последние большие гастроли БДТ в Москве были еще раньше), в театре немосквичско было: полость, лишние билеты спрашивали у метро, а ярус балкона и проходы в партере ломались от "бесноты" зрителей. Такова слава, такова nostalgia попрежнему БДТ, таковое, надо думать, неугасящий интерес к БДТ сегодняшнему.

С прошлой встречи круто изменилось, кажется, все. Начиная с общественной формации, которая неумолимым уходом тех, кто составлял уникальную товстоноговскую актерскую плеяду. Нет Стрельнича, Лебедева, Ковеля, Медведева. Нет легендарного заглавного Дины Шевар. На нынешних гастролях мы обидно недосчитались блистательных Макаровой и Трофимовой, ныне здравствующих, но почему-то не принявших участие в спектаклях. Суперзвезда товстоноговского театра с ее суперкарами, у тех кто ее застал, и о которой ноет, как ампутированная часть души. Когда на сцену выходит Лавров или Шарко, Башилашвили или Заблудовский, Толубеев или Шпигл, Неведомский, Кузнецов или Богачев, фантомная боль оборачивается фантомной радостью. Бывает, наверное, и такое, отнюдь не медицинское явление. Товстоноговские "премьеры" и актеры "второй" роли намеренно выделяются мною в один ряд, ибо все их объединяет не только качество, но и некий особый сценический менталитет, связанный с порою выхода и с первого же прохода несоединяемого слова. На этом, пожалуй, стоит покончить с ностальгическими вздохами. Ибо восемь гастрольных спектаклей последнего десятилетия — это целая жизнь, жизнь без Мастера, с новой режиссурой, с новой актерской смесью. Да что уж там — все, реально все поменялось и за стенами дома № 65 по улице Фонтанка.

"Освободите места! — зычным голосом орли билетеры на безбилетников. — Люди заплатили большие деньги!"

"Деньги — и — и — и!" — зом сплос под сводами зала на каждом спектакле. "Что вы хотите? У нас — коммерческие гастроли!" — оправдывались службы БДТ перед москвичскими критиками, загнанными на последние ярусы балкона. Особое, однако, удовольствие — разглядывать актерские макушки и обдумывать при этом будущую статью в свою газету. В душе автора этих заметок, для которого БДТ — первая и самая сильная театральная любовь, происходили нешуточные боления. Бесмысленная и, прямо скажем, обидная ситуация толкала к профессиональной мести. А романтическая память возвращала к эпизоду тридцатилетней давности, и я увидел саму себя московской школьницей в том же самом зале, на том же ярусе балкона, восторженно взирающей на сиятельные макушки Юрского, Лаврова и Башилашвили. Вот и коллега по газетной странице, волшебной силой денежного знака вознесенная к потоку другого театрального зала, ощутила себя в исторической перекличке. Так что нет хуже бездобр!

Но в "Аркадии" Т.Стоппарда, между прочим, об этом и речь. Несколько веков, пронесшихся через английский усадьбу, не выветрили из ее пространства дух События и Личности. Тень Байрона, чертёж перестройки усадебного парка,

черты предков, узнаваемые в потоках, — вот истинный "сюжет" этого длинного, многословного, но поразительно гармоничного спектакля, поставленного эстонцем Э.Нюганеном. Сам Нюганен, до встречи с БДТ замеченный исключительно в активной режиссуре, здесь, похоже, "умер" в актерах и волшебном пространстве художника Э.Нюганена. На самом деле, думаю, он испытал в зале Большого драматического то же самое, что испытывают герои "Аркадии", — ведь воздух уникальной сцены тоже насыщенный неувядающим прошлым. Поразительно, как дочь Кирилла Лаврова Маша (Ханна Дуравик), ни минуты не работавшая с Товстоноговым, наследует почерк его прославленных актрис: густые хриплоты интонации, особую нерено-женственную пластику. Более того, юная Е.Горюховская (театровед по образованию), играющая девушку Томасину Каверли, — и та нацупывает эту особую, с первых нот узнаваемую тональность. И талантливый лодисский актер П.Семак — учитель Септимус Ходж в атмосфере иного "дома" обретает не свойственные ему музыкальность, сосредоточенность и глубину. "Аркадия" — спектакль двойной темы, в нем торжествует генетический театральный код БДТ, необыкновенно мощный и живучий. С этой точки зрения гастроли театра как бы разваливаются на две неравные части. Спектакли, поставленные Т.Чехидзе ("Макбет", "Борис Годунов", "Антигона") и Г.Дятляковским ("Федра"), заставляют задуматься о совместности режиссерской и актерской групп крови. Когда имелось дело с такой материей, как грандиозная империя Мастера, оскотавшая однажды, рецепты новой жизни из сарни "до основанья, а затем" особенно проблематичны. Молодой Дятляковский, показавший в прошлом году на фестивале "Золотая Маска" с актерами БДТ "Отца" А.Стриндберга, а ныне — "Федру" Расина, просится в эту тему. Его собственная активная режиссерская воля очевидна, как очевидны и широкий жанровый диапазон, и нешуточный интеллект, и известная дерзость. Обращаясь к архаичному переводу М.Лобанова, Дятляковский рискует нагрузить

классицистскую "Федру" дополнительными порциями Сюжета. И проигрывает, ибо возводит в абсолют красоту слова, столь высоко ценящую на товстоноговских подмостках. Т.Чехидзе тем временем пишет эпические полотна особого рода, где исторические ходы пристрелены поверностями судьбы отдаленно взытой личности. Психологическая суть Макбета — Г.Богачева, леди Макбет — А.Фрейндлих, Кривоша — О.Башилашвили или царя Бориса — В.Иваненко интересуют режиссера тем сильнее, чем более эти герои отдалены в залог социальное-историческим обстоятельствам. Беликая "человеческая комедия" БДТ продолжается. Ивенко играет Годунова прагматическим негодием. Остро стирательно обмане актера в этой роли дает неожиданный эффект — тяжесть, шапки Мономаха физически невыносимы. Не жалуй царя "Ирода", которого боится даже его собственный сын. Сие, когда тяжелооблачный царь, а также мальчишка для последних и важных наставлений, а тот ехотится от страха и готов убежать, страшна и исторически логична одновременно. Очередной реформатор вновь оставляет после себя руины и гуттаревневых политическо-политических "следователей". Очевидная социальная острота спектаклей Чехидзе окрашена горечью и человечностью, как бывало на этой сцене и раньше.

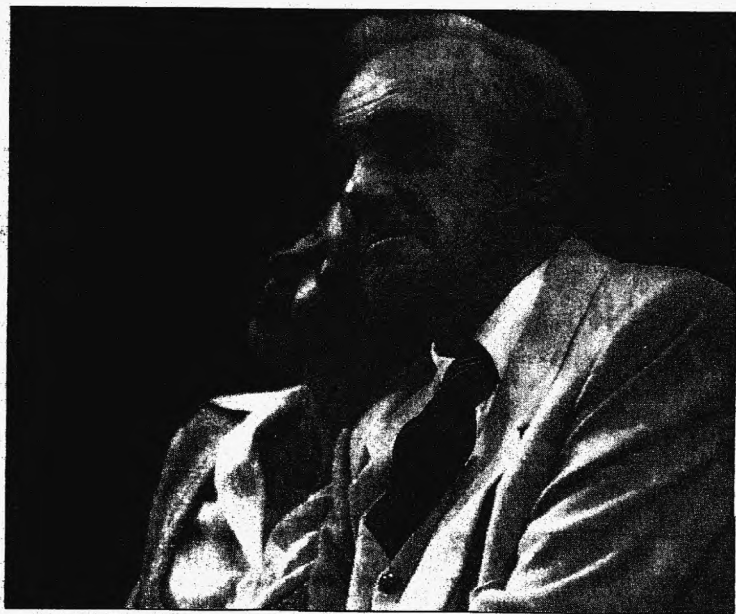
Увы, глядя на грандиозное "раннее" Большое драматическое театра долго еще будет сопровожать его жизнь. А грустно ли сие обстоятельство? Из немногих наших прославленных театральных "империй" БДТ, кажется, единственный сохранил дух, не искал букву и при этом не стал музейным экспонатом.

Не оттого ли другая, к счастью, меньшая, часть гастрольного репертуара так обескураживает, что ее чужелюбая непритязательность тоже есть обратная сторона добротности и серьезности? "Калифорнийская сюита", поставленная Н.Пилингим, впрочем, вполне лакомое блюдо: крепкая актерская плеса, вполне антрепризные, по сути, начинание и мощный "человеческий фактор", один из главных во все времена БДТ. На этот раз им стал

друз А.Фрейндлих и О.Башилашвили. Играют востле. Что же боле, если перед нами очевидная взаимная актерско-зрительская радость? Но "Пожь на длинных ногах" того же Пилингима с душной "итальянской" беготней (только лентяйные не имитировали этот "неореализм" еще лет двадцать назад в спектаклях, капустниках и КВНах), с отчаянным "премьерством" расшалившихся Г.Богачева и А.Толубеева, которых, блестящих и неуправляемых, в былые времена бысто призывали бы к ответу, со смехотворной невнятицей декораций Э.Калепюша и чудовищным музыкальным "комполтом" — во-то зачем привезли? Однако и она укладывается в мозаику — как узор на тему о бытии через край актерских сил, не отделимых в смысловых режиссерских барета.

"Перед заходом солнца" Г.Гаузмана, спектакль, показанный в рамках Всемирной театральной олимпиады, оставлю напоследок. Курс БДТ на новую режиссуру на этот раз проявился в выборе К.Козлова, одного из самых известных представителей молодой петербургской плеяды. Козлова с головой покрывали суровые драматургические воды. Главные же обеспечили изысканные декорации А.Орлова и счастливо возникшая перекличка актерских поколений. Дует молодой А.Куликова (Ивенко Петерс) и К.Лаврова (Клаузен) — один из самых сильных гастрольных впечатлений. Для Лаврова роль Клаузена стала, кажется, одновременно и неким итогом прошлого и проекцией в будущее. Он играет нового Короля Лира, во всех его тончайших эволюциях — от властной самоуверенности, через мальчишескую безоглядность к горькому и "детскому" прозрению. Куликова рядом с ним — отчаянная и стойкая юность. Два странных духа, две неординарные судьбы сливаются в шемцении двухлопасте. Сюжет, как и в "Аркадии", звучит двойным галем и напоминает о себе мощным генетическим кодом БДТ. Кто знает, какое новое "солнце" еще взойдет над домом № 65, что на улице Фонтанка?

Наталья КАМИНСКАЯ

А.Куликова — Ивенко и К.Лавров — Маттиас Клаузен в сцене из спектакля "Перед заходом солнца"

с. 116.
БДТ им. Товстоногова

ФОТО: Е. ШЕВЧЕНКО